

ГЛАВА 4

ОРГАНИЗАЦИЯ И ВАЖНЕЙШИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНЫХ КОМИТЕТОВ

4.1. Структура задач ученых комитетов

Задачи, ставившиеся перед учеными комитетами и советами, принципы и организация их деятельности в том виде, как они определялись нормативными документами, чрезвычайно важны для нашего исследования, поскольку дают возможность ответить на главный вопрос: какова была роль этих подразделений в системе административного управления?

В рамках настоящего параграфа предпринимается попытка систематизировать структуру задач (сферы ведения) ученых комитетов в том виде, как они были поставлены законодательными актами. Конечно, жизнь постоянно вносила свои коррективы, менялась иерархия целей и задач, ставившихся перед комитетами и советами, многие из функций, заложенных "Положениями", либо оказывались невостребованными, либо постепенно вытеснялись иными задачами. Тем не менее анализ комплекса нормативных документов позволяет более четко выявить специфику деятельности министерских ученых подразделений и ее изменения на протяжении XIX столетия.

Как уже отмечалось, в имеющейся литературе нет однозначного определения функционального назначения ученых комитетов. Их рассматривают и как органы ведомственного руководства наукой¹, и как форму организации науки². Имеются и иные формулировки³, которые отмечают соединение учеными комитетами исследовательских и управленческих функций. В какой мере эти утверждения отражают реально существовавший набор функциональных обязанностей ученых министерских подразделений на разных этапах их существования?

Материал, содержащийся в многочисленных нормативных "Положениях" о создании и реорганизации ученых комитетов и советов, сведен в две таблицы, отражающих структуру задач (предметы ведения) уче-

ных комитетов и советов в первую половину XIX в., и в пореформенный период. (См. Приложение 1 "а" и "б") Необходимость группировки по конкретным направлениям и неизбежная формализация отдельных задач заставили в данном случае пожертвовать некоторыми особенностями конкретных формулировок. Ряд положений, свойственных лишь отдельным ученым комитетам, также не нашли отражения в таблице. Тем не менее таблицы наглядно иллюстрируют основное содержание деятельности комитетов и советов в том виде, как они были сформулированы в законодательных актах.

Спектр задач распадается на три основные направления:

- Деятельность ученых комитетов и советов в сфере научной информации и распространения научных и технических сведений.
- Руководство и (или) контроль учебного процесса в ведомственных учебных заведениях, организация повышения квалификации кадров.
- Научно-консультативная, экспертная деятельность, руководство научно-исследовательскими работами ведомственных подразделений, координация научных и технических работ, научные контакты.

В общей сложности спектр задач включает в себя 14 пунктов (см. расшифровку значений столбцов к Приложению 1).

Самый общий взгляд на характер задач, ставившихся перед исследуемыми подразделениями, свидетельствует, что ни одно из предлагавшихся в литературе определений функциональной сущности ученых комитетов не соответствует в полной мере реальному положению и отражает лишь часть, причем не самую основную, набора их обязанностей. В наименьшей степени в деятельности комитетов играли роль управленческие задачи. Это не случайно: комитеты и советы, как было показано в главе I, создавались за пределами исполнительской вертикали и их решения "самостоятельной власти" не имели.

В первую половину столетия, как наглядно видно из таблицы (см. таблицу "а"), в задачах ученых подразделений преобладали информационные функции: распространение "ученых сведений" среди служащих ведомства, сбор научной информации, издание профильной научно-технической литературы и т.п. Заметную роль занимала и деятельность по надзору за ведомственными учебными заведениями. Собственно научно-исследовательские задачи комитетов и советов ограничивались большей частью рассмотрением изобретений и предложений, с которыми к ним обращались.

В пореформенное время картина меняется (см. таблицу "б"). Специализация комитетов и дробление их функций, во-первых, уменьшают

в целом набор задач ведомственных научных подразделений. Во-вторых, в значительно большем объеме оказывается представлена собственно научно-исследовательская функция и задачи по координации прикладных научных работ.

Данные таблицы позволяют выявить и еще один процесс: намечается разделение научных министерских подразделений на две типологически обособляющихся формы по принципу охвата различных сфер деятельности. Наряду с учеными комитетами, продолжающими решать широкий круг вопросов научного обеспечения правительственной деятельности, такими как Горный ученый комитет, Ученый комитет МГИ, появляются подразделения с относительно узким набором функций, сосредоточенные на решении немногих, большей частью экспертных задач: Технический комитет Главного интендантского управления, Педагогический комитет Главного управления военно-учебных заведений, Инженерный совет МПС и некоторые другие подразделения.

Между этими формами ведомственных ученых подразделений нет четкой грани. Большинство подразделений во второй половине XIX в. несли на себе признаки и той и другой группы. Однако это все более заметное обособление показывает объективно обозначившийся вектор эволюции вспомогательных ученых подразделений в структуре министерств и главных управлений империи.

Рассмотрим основное содержание деятельности ученых комитетов и советов в порядке уже выделенных направлений.

Функции сбора научной информации, как для сугубо внутриведомственного использования, так и в более широких просветительских целях, с момента возникновения первых ученых подразделений занимали важное место в их работе. Наиболее наглядным проявлением этой деятельности становятся библиотеки ученых комитетов, выполнявшие в ряде случаев роль ведущих научных собраний в рамках определенной отрасли знаний.

Накопление научных сведений осуществлялось в тесной связи и с издательской деятельностью комитетов и советов, что вполне закономерно. Например, Горный ученый комитет создается в 1825 г. именно для издания "Горного журнала". Издательские программы комитетов включали в себя выпуск периодических и продолжающихся изданий: журналов, записок, трудов, а так же отдельных монографий. В первую половину XIX в. в общей сложности 8 из 9 постоянных научно-вспомогательных подразделений, учтенных в таблице "а", комплектова-

ли свои библиотеки, а 7 из 9 в тех или иных формах осуществляли издательские программы.

В пореформенное время эти количественные соотношения снижаются, однако связано это было с выделением издательской деятельности, в первую очередь, редакций ведомственных периодических изданий в качестве самостоятельных структурных подразделений министерств. На практике ученые комитеты продолжали принимать активное участие в ведомственной периодике, зачастую включая редактора издания в состав своих членов. Характерно, что большинство ученых комитетов, созданных в первой половине столетия, и во второй половине XIX в., продолжают комплектовать свои библиотеки, осуществляют широкую издательскую деятельность (см. Таблицу "б"). Итак, информационная функция занимала существенное место в структуре задач ученых комитетов и советов, причем как в первую, так и во вторую половину XIX в. Мы подробно рассмотрим ее ниже в рамках V главы.

Курирование системы ведомственной подготовки кадров так же являлось постоянной сферой деятельности ученых комитетов и советов. Первой функцией, порученной комитетам в начале XIX в., становится аттестация государственных чиновников (в военных министерствах - офицеров), претендовавших на занятие должностей, требовавших специальных познаний.

Первым научным подразделением, на которое были возложены эти задачи, стал Медицинский совет. В его обязанности входило "рассмотрение, каким из вызываемых или приезжающих в Россию иностранных врачей можно дозволить свободную здесь практику и на каком основании"⁴. Предполагалось, что Совет мог либо подвергнуть претендента испытанию, либо направить его для экзамена в Медико-хирургическую академию, либо "тем, кто сделали себе имя в ученом свете", дозволить практику безо всяких испытаний⁵. Задачи по аттестации кадров врачей перешли к Медицинскому совету от Первого департамента Медицинской коллегии, который так же был "предназначен для управления дел ученых"⁶.

Помимо испытаний иностранных врачей Медицинский совет в соответствии с "Положением" 1803 г. рассматривал по поручению Медицинской управы учебные планы медицинских учебных заведений, его члены принимали участие в выпускных экзаменах⁷. В последующем тесная связь Медицинского совета с системой подготовки кадров обеспечивалась вхождением в его состав в качестве неперменного члена начальника Императорской медико-хирургической академии и присвое-

нием всем членам Совета звания почетных членов главного военно-медицинского учебного заведения⁸.

Аналогичным образом осуществлялся контроль уровня квалификации офицеров в "ученых корпусах" Военного министерства. Члены первого ученого подразделения, созданного в структуре военного ведомства - Артиллерийского комитета - в числе прочих обязанностей проводили экзамены "всем к производству по артиллерии представляемым юнкерам и фейерверкерам"⁹. В 1810-1840-е гг. Военно-ученый комитет был обязан подвергать экзамену всех претендентов на замещение должностей в артиллерийском и инженерном ведомствах¹⁰. Были выработаны и соответствующие инструкции. В 1835 г. обязательные испытания в науках для артиллерийских офицеров делаются ежегодными¹¹. Отделения Военно-ученого комитета курировали профильные ведомственные военно-учебные заведения. На их экспертизу передавались программы преподавания, члены отделений принимали участие в экзаменах. В пореформенное время эти функции переходят к профильным комитетам Главных управлений Военного министерства, в состав которых с середины 50-х гг. XIX в. входят профессора Михайловского артиллерийского и Николаевского инженерного училищ (позже - академий)¹², а надзор за учебными программами и ходом обучения в Николаевской академии Генерального штаба и в Военно-топографическом училище осуществлял Военно-ученый комитет¹³.

Традиционно тесными были и связи Горного ученого комитета и Горного кадетского корпуса (Горного института), в структуре которого в 1825 г. и был учрежден этот комитет. Члены Горного ученого комитета, многие из которых были одновременно и действующими преподавателями, регулярно рассматривали вопросы преподавания в высшем учебном заведении горного ведомства. В соответствии с установленными правилами, выпускники института по окончании курса в течение года проходили практику, по итогам которой составляли отчет, поступавший на рассмотрение местного горного начальства и в Горный ученый комитет. Лишь при одобрении отчета этими инстанциями молодой инженер мог быть представлен к следующему чину¹⁴.

Таким образом, содержание деятельности большинства ученых комитетов в вопросах контроля и развития ведомственной системы подготовки кадров концентрировалось на аттестации специалистов в наиболее важных для государства сферах.

В несколько ином ключе приходилось решать вопросы сельскохозяйственного образования Ученому комитету Министерства государст-

венных имуществ. В конце 30-х - 40-е гг. XIX столетия, когда начинает разворачиваться деятельность этого научного подразделения, на повестке дня стоял вопрос не столько контроля, сколько создания системы подготовки сельскохозяйственных кадров, причем, как высшего уровня квалификации, так и в рамках начальных сельскохозяйственных школ.

Подготовка агрономов была развернута в Горы-Гореском земледельческом институте (с 1840 до 1848 г. - земледельческая школа), предложения по созданию которой были выработаны еще Комитетом по усовершенствованию земледелия в России и утверждены в 1836 г. Комплект студентов в первое десятилетие составлял всего 25 человек, допускались частные пансионеры¹⁵. Ученый комитет МГИ активно участвовал в разработке программ, рецензировании учебной литературы, в последующей послевузовской подготовке выпускников Земледельческого института. Для получения ученой степени магистра агрономии лучшие из них посылались в европейские учебные заведения. Так, уже в 1842 г., т.е. за два года до первого выпуска учеников "высшего разряда" - будущих агрономов, Ученый комитет по предложению профессора Горы-Гореской земледельческой школы Б.А. Целлинского достиг договоренности с Тарандской академией в Саксонии о подготовке выпускников, помимо агрономических дисциплин и лесоводства, еще и в области геологии¹⁶.

Наиболее масштабной, в силу выраженной заинтересованности государства и лично министра - П.Д. Киселева, стала работа по созданию в ведомстве госимуществ сети низших сельскохозяйственных школ, в которой Ученый комитет принимал самое непосредственное участие. В планах реформы Киселева шаги по административному и хозяйственному устройству государственных крестьян были тесно увязаны с мероприятиями по созданию сельских школ, повышению уровня земледельческой техники, организации медицинской и ветеринарной помощи крестьянам и другими мерами¹⁷.

"Положение" об учебных фермах было подготовлено к 1841 г. и в мае того же года получило силу закона. Сеть этих образцовых учебных заведений складывается в период с 1843 по 1848 гг. На устройство каждой из 8 учебных ферм выделялось 15 тыс. рублей, в обучение принимались казенные и помещичьи крестьяне в возрасте 17-20 лет, знающие начала грамоты¹⁸. За период с 1841 по 1856 гг. Министерство государственных имуществ затратило в общей сложности 616 тыс. 133 руб. на устройство и содержание учебных ферм и 305 тыс. 418 руб. на обучение молодых крестьян в земледельческих и ремесленных заведениях¹⁹.

Как и большинство других направлений реформы 1839 - 40-х гг., попытка создания системы сельскохозяйственного образования для государственных крестьян носила противоречивый характер и в конечном счете не привела к сколь-нибудь заметным результатам. Малая эффективность осуществленной работы не может быть объяснена только традиционными ссылками на недостаток финансирования, произвол чиновников палат государственных имуществ на местах и т.п.

Существенным тормозом становилась вполне объяснимая недоверчивость крестьянства к новым начинаниям правительства вкупе с традиционным консерватизмом в навыках ведения земледельческого хозяйства. По данным отчета Департамента сельского хозяйства за период 1844-1854 гг. при открытии сельскохозяйственных школ, первоначально, "молодые люди считались выбывшими из родного села наравне с рекрутами"²⁰. И лишь в 50-е гг. стали поступать первые просьбы от крестьян о зачислении на учебу.

Результаты деятельности учебных ферм за 1844 - 1853 гг. представлены в таблице*:

Численность обучающихся и выпуск воспитанников учебных ферм МГИ за период 1844- 1853 гг.

Годы	Число воспитанников	Выпущено по экзамену по окончании полного курса
1844	40	0
1845	99	0
1846	259	0
1847	429	0
1848	579	24
1849	692	105
1850	675	142
1851	749	226
1852	813	77
1853	852	173

В таблице представлены обобщенные результаты деятельности всех учебных ферм. Каждый год две и более фермы не делали выпусков вообще. Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что учащиеся

* *Источник:* Обзор действий Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет с 1844 по 1854 год. Ч.Н. С. 48.

Таблица составлена автором. 156

составляли бесплатную рабочую силу в государственных хозяйствах, каковыми являлись эти учебные заведения.

К числу задач Ученого комитета Департамента сельского хозяйства относилось рассмотрение проектов учебных планов, отбор и подготовка учебной литературы. Так, в 1858 г. был объявлен конкурс на составление "Учебника естественных наук" для земледельческих школ и училищ²¹.

Наиболее заметным моментом в деятельности Ученого комитета было обсуждение вопроса об устройстве образцовых усадеб государственных крестьян. Проекты разрабатывались в 1849-1851 гг., и хотя их положения не стали принятой практикой в организации землепользования государственного крестьянства, они дают интересный материал для характеристики малоизвестного направления в дальнейших планах развития реформы Киселева.

Общий замысел состоял в том, чтобы выпускникам учебных ферм, отлично окончившим курс, выделять целинную землю под отдельные хозяйства и малые хутора, снабжать их для обзаведения средствами, инвентарем, освобождать на определенный срок от рекрутской повинности и, таким образом, создавать очаги прогрессивного хозяйствования²². Таким образом, наряду с законодательным закреплением общинных форм регулирования крестьянского землепользования планировалось создание и отдельных, обособленных хозяйств.

Члены комитета с большой ответственностью отнеслись к подготовке проекта, уделив главное внимание налаживанию благоприятных условий хозяйствования и законодательной фиксации перечня льгот поселенцам. Они отклонили предложения по использованию создаваемых хозяйств в качестве опытной базы для испытания новых способов земледелия, экспериментов в скотоводстве и т.п. дополнительных "повинностей" для хуторян²³. Поскольку решение всей суммы вопросов требовало многочисленных согласований, выработка "Положения" затягивалась. Комитет не рекомендовал начинать расселение без решения всего комплекса вопросов о льготах выпускникам учебных ферм, несмотря на нетерпение министра²⁴. Вставший на повестку дня вопрос об освобождении крестьян окончательно похоронил проект в недрах министерских канцелярий.

И в последующем, в пореформенное время, Ученый комитет МГИ принимал деятельное участие в развитии сельскохозяйственного, а с вхождением в состав Министерства лесного ведомства, - и лесного образования. На рассмотрение комитета поступали проекты "Уставов" и

"Положений" об учебных заведениях, новые учебные планы, и т.п. материалы. С развитием общественной инициативы в сельскохозяйственном образовании и созданием негосударственных сельскохозяйственных учебных заведений Ученый комитет рассматривал и подготовительные материалы об их открытии, на средства меценатов проводил конкурсы на создание новых учебных пособий²⁵.

Типичной иллюстрацией работы ученых комитетов в сфере контроля ведомственного образования, причем не только для ведомства госиму- шеств, но и других министерств и их ученых комитетов, может быть рассмотрение в 90-х гг. XIX в. в Специальном лесном комитете и Ученом комитете МЗиГИ проектов "Устава" и учебного плана Санкт- Петербургского лесного института. В лице членов научно- консультативных подразделений преподавательский состав вузов всегда встречал заинтересованную и конструктивную поддержку новым начинаниям в подготовке специалистов.

Проекты этих документов, подготовленные комиссией Департамента с участием членов ученых комитетов и представителей института, были рассмотрены в объединенном заседании Ученого и Специального лесного комитетов и переданы Совету института. Окончательный проект, одобренный всеми совещательными органами, поступал на утверждение. Наиболее существенным изменениям была подвергнута структура учебных и опытных подразделений института. Были созданы новые кафедры как за счет разделения существовавших, так и введения совершенно новых. В частности, в курс подготовки была введена прикладная механика, так как в лесном хозяйстве началось использование заводов для механической и химической обработки древесины. Существенно была расширена практика студентов за пределами базового Лисинского лесничества, которые после III и IV курсов направлялись в казенные лесничества различных зон России и т.д. Штат преподавателей и сотрудников был увеличен с 22 до 37 человек, а финансирование - с 141 тыс. 800 руб. до 185 тыс. 550 руб.²⁶

Третье направление в деятельности ученых комитетов объединяло большой круг вопросов, связанных с экспертно-консультативной и научно-исследовательской деятельностью. К перечисленным направлениям примыкает координация прикладных научных работ в рамках ведомства и установление и поддержание научных контактов в стране и за ее пределами. Развитие этого направления в многообразии его форм осуществлялось постепенно, что хорошо видно из сравнения таблиц "а" и "б" (Приложение 1).

Первой по времени возникновения и наиболее распространенной задачей ученых комитетов была задача по рассмотрению изобретений и предложений, поступавших в центральные органы административного управления. Комитетам вменялось в обязанность не только выносить суждения о применимости того или иного новшества, но и по возможности способствовать его "доводке", приспособлению к нуждам ведомства.

Разбор поступающих предложений занимал существенную долю времени и усилий в работе членов комитета. Архивные фонды этих ученых подразделений содержат десятки и сотни предложений, по каждому из которых делалось мотивированное заключение. Для большинства ученых комитетов работа с изобретениями ограничивалась отбором тех предложений, которые представляли интерес для ведомства. Однако два совещательных подразделения: Мануфактурный совет и Ученый комитет МГИ исполняли более широкие обязанности по работе с изобретателями и изобретениями.

Увеличивающаяся доля капиталистического предпринимательства в промышленности, базировавшаяся не только на вольном найме, но и на применении все более совершенных и производительных механизмов, распространение либеральных правовых ценностей, поставили в начале XIX в. на повестку дня вопрос о защите авторских прав на изобретения и усовершенствования. В решении вопроса о привилегиях, т.е. о предоставлении монопольного права распоряжаться на протяжении определенного времени изобретенным механизмом, методом производства и т.п., Россия шла тем же путем, что и наиболее развитые страны. Законодательные акты о защите авторских прав появляются в Англии - в 1623 г., во Франции - в 1791 г., в Северной Америке - в 1787 г.²⁷ В России права изобретателей на сделанные ими открытия были установлены Манифестом 1812 г.²⁸

В начале 30-х гг. XIX в. с учреждением Мануфактурного совета рассмотрение просьб о выдаче привилегий, относящихся к ремесленной и заводской промышленности, было поручено Министерству финансов²⁹. В конце 1820-х - 1833 г. в Мануфактурном совете велась подготовка нового закона, регулирующего защиту авторских прав³⁰. В представленных членами Мануфактурного совета мнениях проводилась мысль о том, что само развитие законодательной базы, защищающее права изобретателя, "полезно, как действительнейший способ поощрения к новым открытиям и к развитию промышленности"³¹.

С 1840 г. вопрос о привилегиях на изобретения в сфере сельскохозяйственной промышленности перешел под контроль МГИ³². Представление о количественных параметрах работы Ученого комитета МГИ по рассмотрению привилегий дают сведения отчетов Департамента сельского хозяйства. В 1844-1853 гг. было выдано в общей сложности 30 привилегий на срок от 3 до 10 лет, причем "по неприведению в действие", 6 из выданных привилегий были уничтожены. Из числа авторов изобретений: четверо - крестьяне, столько же - помещики и 10 человек - иностранные подданные³³. В конце рассматриваемого периода только за два года (1894-1896 гг.) Ученым комитетом МЗиГИ было рассмотрено 77 и одобрено 33 заявки на выдачу привилегий³⁴.

Однозначно оценить практическую значимость и результативность этого направления деятельности ученых комитетов нельзя. Наряду с регулярными предложениями "perpetuum mobile" и других фантастических проектов, поступало немало дельных, многие из которых рано или поздно находили применение в практике. Состав авторов предложений был не менее разнообразен. В числе изобретателей были представители всех социальных слоев с разным уровнем образования.

Важнее другое: на начальном этапе развития прикладной науки в рамках министерств, особенно в первой трети XIX в., характерной была именно ориентировка на использование предложений, поступающих "извне". Иными словами, имела место пассивная, ожидательная политика власти, направленная на адаптацию уже имеющихся разработок. Как отмечалось выше, подобные подходы были обусловлены как достигнутым в тот период уровнем взаимодействия научного знания и сфер практической деятельности, так и фактическим отсутствием собственной научно-опытной базы ученых комитетов, сложностью постановки исследовательских задач.

Целенаправленное руководство ведомственной наукой было возможно только при соответствующем уровне научного знания, его готовности решать насущные прикладные задачи. Было необходимо накопление и соответствующего управленческого опыта, повышения компетенции чиновников, осуществляющих руководство ведомственными научными подразделениями. Этот опыт нарабатывался небыстро и непросто. Условия для успешной реализации данного направления деятельности ученых комитетов и советов вызревают лишь во второй половине столетия. Именно с этого времени можно говорить о постепенной трансформации задач по рассмотрению предложений и изобретений

в задачу по руководству необходимыми прикладными научными исследованиями.

Первые попытки создания опытных, исследовательских подразделений, временных групп специалистов для изучения важных в практическом и научном отношении вопросов начинают предприниматься уже во второй четверти XIX в., но особенно заметной эта деятельность становится со второй половины 1840-х и в 1850-е гг.

Эволюция подходов к интересующему нас вопросу наглядно прослеживается на примере деятельности Министерства государственных имуществ. Эффективное управление казенной собственностью, перешедшей под управление этого министерства, как вскоре убедилось его руководство, было невозможно без коренного обновления управленческого инструментария. Во-первых, без налаживания статистического учета государственных имуществ, в первую очередь земельного фонда и, во-вторых, без соответствующего научного обеспечения: поиска эффективных путей сохранения и возобновления "доходных статей", к которым относились леса, рыбные ловли и т.д.

Итоги ревизии деятельности Ученого комитета МГИ в вопросах лесоводства, проведенной в 1841 г. товарищем министра Н. Гамалеей, представляют собой пример разочарования, которое было неизбежным в условиях традиционной для начала века системы организации ученых комитетов и советов. Собирая разнородные научные сведения, разрозненные рекомендации, выработанные большей частью иностранными учеными, комитет был не в состоянии дать реальные рекомендации о налаживании "правильного лесного хозяйства" в различных климатических зонах России.

В соответствии с предложениями, сделанными Гамалеей, были намечены и новые шаги "к будущему устройству лесного хозяйства на принципах науки"³⁵. В их числе предполагалась организация в каждом лесном округе 1-2 "образцовых лесничеств", которые бы стали базой для накопления данных о ведении хозяйства в каждой климатической зоне. "Образцовые лесничества" подчинялись ученым лесничим, которым поручалось проведение опытов по разведению лесов на различных почвах и в условиях различного климата, определению спелости лесов и скорости роста древесных пород и т.п.³⁶ Уже в мае 1842 г. ученые лесничие - члены Ученого комитета МГИ М.Б. Бульмеринг и Е.А. Петерсон отправляются для инспекций лесных округов и выбора образцовых участков³⁷.

От первых опытов лесное ведомство достаточно быстро стало переходить и к попыткам внедрения рекомендаций науки на государственных землях. Уже в 40-е гг. XIX в. на р. Молочной в Таврической губернии колонистами - менонитами было начато степное лесоразведение. Общая площадь менонитских лесов в Таврической и Екатеринославской губ. спустя десятилетие достигла 1425 десятин. В 1840-е гг. были образованы и первые опытные лесничества - Вико-Анадольское лесничество и Бердянская лесная плантация в Екатеринославской губернии. В дальнейшем к ним добавились Тенгутинское и Яшкульское лесничества в Астраханской, Медвежинское - в Ставропольской губернии⁸ и другие казенные опытные заведения. Перед опытными лесничествами, создаваемыми в степных и горных зонах, ставились и такие задачи, как изучение мер по борьбе с летучими песками и облесение гор. В 1845 г. по результатам опытной деятельности была подготовлена инструкция для производства "культурных" работ, т.е. работ по лесоразведению³⁹. Результаты деятельности этих лесничеств во второй половине XIX в. уже не в полной мере удовлетворяли руководство лесного ведомства. Характерно, что с позиций конца XIX столетия, в качестве главного недостатка опытной деятельности, осуществлявшейся в 1840-е - 1860-е гг., отмечался эмпиризм проводившихся работ: деятельность сводилась "не к установлению лесоводственных принципов, а к преподаванию лесотехнических наставлений"⁴⁰.

Во второй половине XIX в. лесное ведомство и Специальный по лесной части комитет в качестве основы для выработки рациональных принципов лесоводства и эксплуатации лесных ресурсов стремятся использовать широкий комплекс научных данных, далеко выходящих за рамки собственно лесотехнических приемов. Наглядное представление об эволюции подходов ведомства к этому вопросу дает расширение и усложнение тематики исследований и экспедиций, субсидируемых Лесным департаментом. В 1880-е гг. ученым подразделением лесного ведомства были проведены в течение 10 лет обширные по охвату территории сравнительные исследования искусственного и естественного лесовосстановления⁴¹. Последнее десятилетие XIX в. было отмечено такими масштабными научно-исследовательскими предприятиями Лесного департамента, как экспедиция В.В. Докучаева "по испытанию и учету способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России", и организованная по инициативе А.С. Ермолова экспедиция "для исследования источников главнейших рек Европейской России", руководство которой осуществлял А.А. Тилло⁴². Данные работы, как известно, по-

дожили начало комплексному изучению природной среды в многообразии факторов, влияющих на природные процессы. Сходным образом развивалась деятельность МГИ и по другим направлениям, требовавшим научного обеспечения.

Тенденции к усложнению и расширению работы ученых комитетов по организации научного обеспечения деятельности ведомств нашли свое отражение и в изменении задач, нормативно закрепленных за этими подразделениями. Во второй половине XIX столетия, как свидетельствует таблица "б" (Приложение 1) набор задач ученых комитетов в сфере научно-исследовательской, экспертной деятельности расширяется. Ученые комитеты начинают играть координирующую и организующую роль в рамках складывающейся системы ведомственной науки, расширяют свое взаимодействие с научными структурами за пределами ведомства, в рамках национального научного сообщества. Процесс оформления этого направления деятельности ученых комитетов - как наиболее существенный и интересный с точки зрения истории организации науки - рассматривается более подробно во втором параграфе данной главы.

Как была организована практическая деятельность ученых комитетов и советов?

Организация работы этих коллегиальных органов регламентировалась как статьями "Общего учреждения министерств", так и другими нормативными документами, в том числе внутриведомственными инструкциями.

Общим принципом деятельности всех коллегиальных органов являлось решение дел в заседаниях комитета или совета. Для их проведения, как правило, назначались определенные дни и часы. Так, Медицинский совет собирался, если не возникало экстренных обстоятельств, дважды в неделю⁴³. Некоторые ученые комитеты, особенно те из них, где категория неперменных членов была представлена значительным их числом, как, например, в Горном ученом комитете, могли проводиться "два рода заседаний: частные, состоящие ... из определенного числа членов, и собрания общие, в коих присутствуют все другие члены, в том числе, и почетные"⁴⁴.

В "Положениях" строго регламентировался порядок прохождения дел в коллегиальных ученых подразделениях. Решения комитета или совета, принятые большинством голосов его членов, фиксировались в журнале заседаний, вслед за тем представлялись министру или главноуправляющему и лишь с его подписью принимали силу административного решения.

Поскольку далеко не все задачи могли быть выполнены с помощью вышеизложенных процедур, основной акцент в практической деятельности комитетов смещался в сторону закрепления за его отдельными членами тех или иных направлений деятельности. С 30-х гг. это находит и свое организационное закрепление в создании в структуре комитетов отделений (например, Военно-ученый комитет, Ученый комитет Департамента сельского хозяйства МГИ), а во второй половине столетия - в организации в структуре комитетов отделов (Артиллерийский комитет) и бюро (Ученый комитет МЗиГИ).

Велика была и роль вспомогательного персонала комитетов и советов: делопроизводителей, секретарей, штат которых комплектовался квалифицированными чиновниками, на плечи которых ложилась значительная часть текущей работы комитета. Как мы отмечали выше (см. главу II), в рамках канцелярии Инженерного комитета, например, было создано специальное Искусственное отделение в составе начальника (до генерал-майора по должности) и четырех его помощников в штаб-офицерских чинах для исполнения ряда текущих обязанностей комитета.

Интересные данные о тематике вопросов, внесенных в Медицинский совет МВД, и количестве сделанных Советом заключений, приводит в юбилейном издании к его 100-летию Совет А.И. Моисеев*. Приводимые автором данные мы объединили в таблицу, укрупнив тематические группировки рассматривавшихся проблем и заменив хронологическую разбивку с 5 на 10 лет.

Тематика вопросов, рассмотренных в заседаниях Медицинского совета МВД в 1812 - 1902 гг.

Рассмотренные вопросы	1812-1822	1823-1832	1833-1842	1843-1852	1853-1862	1863-1872	1873-1882	1883-1892	1893-1902
Водоснабжение	0	0	1	1	0	1	4	10	16
Загрязнение воды, почвы, воздуха, открытие фабрик	0	8	6	3	21	76	66	104	186
Питание и фальсификация пищевых продуктов	11	41	59	19	15	40	18	34	51
Борьба с заразными болезнями, распространением эпидемий	76	347	92	96	172	100	78	178	272

* Моисеев А.И. Медицинский совет Министерства Внутренних Дел. СПб., 1913. С.41. Группировка материала осуществлена автором.

В своем обзоре А.И. Моисеев указывает, что столь заметное увеличение объема работы создавало немалые трудности для работы Совета. Многие из вопросов, в том числе исследование ввозимых в Россию лекарственных средств, необходимые химические и бактериологические анализы, удавалось выполнять лишь потому, что в распоряжении членов совета имелись принадлежащие их ведомствам лаборатории⁴⁵. О том же упоминает в своих воспоминаниях и В.В.Пашутин - председатель Медицинского совета в 1890-е гг.⁴⁶ Таким образом, Медицинский совет фактически направлял деятельность и использовал данные различных, в том числе, и по конкретной ведомственной принадлежности, лабораторий, опытных подразделений, не обладая собственной исследовательской базой. Лишь в 1898 г. в МВД была создана комиссия по переустройству центральных учреждений министерства, начавшая работу над новым "Положением" о Медицинском совете (утверждено в 1904 г.), в котором нашли отражение новые задачи и условия деятельности этого подразделения, и была существенно усилена его материальная база⁴⁷.

Таким образом, осуществленный выше обзор структуры задач и функций ученых комитетов и советов позволил, как представляется, реконструировать спектр направлений их деятельности и выявить основные тенденции их развития. В структуре органов государственного управления ученые комитеты и советы министерств выполняли вспомогательные функции, связанные с решением комплекса информационных, административных (контрольных и организационных) и научно-прикладных (исследовательских, опытных, экспертных) задач. В ходе эволюции министерских ученых подразделений акценты в их работе смещались. Если на начальных этапах преобладало информационное направление деятельности и контроль над ведомственной системой подготовки кадров, то с 1840-х гг., и в еще большей степени в пореформенное время, на первый план выходят задачи организации и координации научных и технических работ в интересах ведомства. Отдельные направления научного обслуживания ведомств находят свое организационное закрепление в более дробной специализации отдельных вспомогательных подразделений.

4.2. Ученые комитеты

В системе национальных научных учреждений

Ученые подразделения министерств существовали не изолированно в ряду других научных учреждений как государственной, так и

негосударственной принадлежности. Они решали свои задачи в тесном сотрудничестве с Петербургской академией наук, ведомственными учебными заведениями и научными обществами. Национальная система научных учреждений формировалась в основном в продолжение первой половины XIX столетия⁴⁸, и по мере ее создания связи ученых комитетов министерств становились все более насыщенными. Если в первую половину века сотрудничество осуществлялось в первую очередь с Петербургской академией и ведомственными учебными заведениями, то во вторую - спектр контактов существенно расширяется, значительное место начинают играть связи с научными обществами.

Без учета этого взаимодействия невозможно оценить результаты деятельности ученых комитетов. Кроме того, попытка проанализировать положение ученых комитетов в системе других форм организации науки выводит нас и на вопросы координации деятельности национальных научных учреждений в решении значимых прикладных научно-технических проблем.

Роль Петербургской академии наук в строительстве системы высшей школы, участие академиков в деятельности научных учреждений, в том числе и некоторые аспекты их сотрудничества с учеными комитетами и советами, обстоятельно рассмотрены в работах М.С. Бастраковой, Г.Е. Павловой, Е.В. Соболевой, М.Ф. Харганович и ряде других публикаций⁴⁹. Это позволяет нам ограничиться систематизацией основных направлений сотрудничества, складывавшихся между учеными комитетами министерств и Академией.

В соответствии с основополагающим документом - Регламентом - Академия была обязана "направлять ... познания ко благу общему, приспособляя к практическому употреблению теории и полезные следствия опытов и наблюдений" (§ 1 Регламента Академии 1803 г.). В Уставе 1836 г. эта мысль выражена еще конкретнее: "Академии надлежит обращать труды свои непосредственно в пользу России, распространяя познания о естественных произведениях Империи, изыскивая средства к умножению таковых, ... к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесел и художеств, как источников богатства и силы государства"⁵⁰. В период создания первых ученых комитетов кадровый резерв российской науки был чрезвычайно узок, ограничиваясь, по преимуществу, учеными, работавшими в стенах Санкт-Петербургской академии наук. Вполне очевидно, что иных сил в первые десятилетия XIX в. государственная власть мобилизовать не могла, и российские академики начинают пополнять ученые комитеты министерств, а сама Академия стано-

вится первым научным учреждением, с которым ученые комитеты налаживают постоянные и плодотворные связи. В главе, посвященной анализу кадрового состава ученых комитетов и советов, участие академических сил в деятельности ведомственных научных подразделений охарактеризовано.

Какие формы сотрудничества возникали на уровне учреждений между академическими структурами и ведомственными подразделениями?

Ведомства регулярно прибегали к помощи Академии для получения консультаций по интересующим их научным вопросам, для проведения экспертиз, участия в комиссиях и т.п. Тесные связи существовали между Академией и подразделениями министерства финансов. Мануфактурный совет регулярно привлекал в качестве экспертов академиков В.К. Вишневого, И.Х. Гаммеля, Г.И. Гесса, Э.Х. Ленца и Ю.Ф. Фрицше⁵¹. В 1827 г. Академия наук приняла участие в разработке чрезвычайно важного для развития российской промышленности и экономики вопроса: приведении в единообразие национальной системы мер и весов. Николай I одобрил создание объединенной комиссии из числа академиков и чиновников Министерства финансов⁵². В комиссию вошли академики В.К. Вишневский и Э.Д. Коллинс. В 1829 г. были выписаны эталонные, официально засвидетельствованные меры и веса "главнейших иностранных государств". Задачей комиссии являлось "с возможной по нынешнему состоянию наук точностью определить нормальные меры и веса Российской империи, сравнить с заграничными и составить сравнительные таблицы"⁵³. К работам по изготовлению русских эталонов был подключен академик А.Я. Купфер и механик академии Гиргенсон, который изготовил ряд уникальных измерительных инструментов.

В 1835 г. работа комиссии была завершена, а с 1845 г. вводились в употребление однообразные российские меры. В соответствии с "Положением" Министерству финансов поручалось впредь не только хранить и изготавливать копии мер и весов, но и разрешать общие вопросы метрологии, что потребовало создания соответствующих вспомогательных подразделений⁴.

Тесными были связи главного научного центра страны с Военным и Морским министерствами. Так, до создания в этих ведомствах своих оснащенных лабораторий Академия проводила для Артиллерийского департамента экспертизы пороха, селитры и других материалов⁵⁵. Обмен картами, литературой регулярно осуществлялся между военно-топографической и гидрографической службами министерств и Акаде-

мией. Она часто снабжала экспедиции Морского ведомства своими приборами. Тесные связи поддерживались и избранием выдающихся специалистов военной науки в состав Академии. Почетным членом Академии в 1827 г. становится Ф.Ф. Шуберт, руководитель топографической и гидрографической служб, а позже - Военно-ученого комитета, членом-корреспондентом был избран профессор Военной академии, будущий военный министр Д.А. Милютин. Эти традиции сохраняются и в дальнейшем.

Как главное научное учреждение страны Академия принимала участие в создании новых научных структур, в том числе и научных учреждений, обслуживающих нужды государственного управления. При подготовке предложений о создании новых подразделений, особенно межведомственных советов, ее мнение запрашивалось, принимались предложения по конкретизации целей и задач новых подразделений. Как отмечалось выше, и во второй половине XIX в. члены Академии входили в большинство общеминистерских ученых комитетов и советов в качестве постоянных членов.

Однако Петербургская академия наук, как и другие учреждения, имевшие научные подразделения, обладали лишь ограниченными возможностями в решении задач, стоявших перед органами имперского управления. Поручения, дававшиеся им министрами, зачастую отрывали научные подразделения от выполнения их собственных программ и планов. Опытно-лабораторная база Академии, высших учебных заведений сама постоянно нуждалась в серьезном расширении и укреплении. Вмешивались и ведомственные амбиции, которых были не чужды и руководители Академии.

В этих условиях ученым комитетам приходилось искать формы сотрудничества с научными силами, включая и непрофессиональных ученых, на иных основах, за рамками официальных, ведомственных контактов.

Одной из таких форм работы Ученых комитетов в 20-50-е годы XIX в. были конкурсные задачи. Отличительными признаками проводившихся конкурсов были прикладной характер, конкретность и локальность темы. Конкурсы в истории организации ведомственной вспомогательной науки явились первой попыткой выявить и реализовать масштабные научные программы. Кроме того, они явились отправной точкой для развертывания целого спектра форм и направлений в последующей деятельности Ученых комитетов.

Сама по себе идея конкурсных задач не была и не представлялась новой. Еще в XVIII столетии конкурсные задачи широко использовались старейшим из российских научных обществ - Вольным Экономическим обществом. Конкурсы, проводившиеся учеными комитетами, во многом унаследовали эти более чем полувековые традиции, направив их на достижение собственных целей.

Ни по своей структуре и составу, ни по финансовым возможностям в первую половину XIX столетия ученые комитеты не обладали необходимыми силами и средствами для решения конкретных научно-прикладных проблем. В этой ситуации наиболее реальным средством было обращение к возможно более широкому кругу ученых и практиков. Организовать и координировать их разрозненные усилия, поощрить идеи и таланты, привлечь имевшиеся силы для решения актуальных, как представлялось, научных и хозяйственно-технических проблем - вот комплекс идей, стимулировавших обращение к конкурсам, как форме работы.

Ученые комитеты министерств унаследовали не только форму, но и демократические традиции проведения конкурсов. Конкурсы на решение задач, предлагаемых учеными комитетами, проводились открыто. Списки конкурсных заданий и условия проведения конкурсов публиковались в ведомственных изданиях министерств. Все представлявшиеся на конкурс сочинения передавались на рассмотрение под девизами, а имена участников оставались скрытыми в запечатанных конвертах вплоть до вынесения решения об избрании лучших работ. Экспертизу конкурсных сочинений и проектов проводили члены комитетов или, в некоторых случаях, приглашаемые специалисты. Итоги конкурсов обязательно публиковались и назывались имена победителей и присужденные награды.

Впервые конкурсные задачи как форма работы ученых подразделений начинают использоваться уже в двадцатых годах XIX в. В частности, с 1813 г. Инженерный комитет при Инженерном департаменте Военного министерства начинает регулярно предлагать для решения офицерам темы конкурсных задач. Победители конкурса получали за отличное решение весьма существенное вознаграждение: премию в размере годового оклада. Результатами конкурсных работ зачастую становились полезные и значимые изобретения. Так, в 1844 г. по итогам представленных конкурсных решений, вознаграждения была удостоена работа подполковника Чернявского. Для точного определения расстояний и направлений, по которым находятся видимые инженерные работы

неприятеля, он предложил использовать прибор собственного изобретения⁵⁶.

Попытки координации научной деятельности специалистов в интересующих ведомство научных вопросах предпринимало во второй половине 1860-х гг. и Министерство путей сообщения. Учрежденному в 1865 г. Ученому комитету МПС вменялось в обязанность привлекать представителей науки к разработке актуальных научно-технических проблем⁵⁷. Однако в связи с непродолжительным периодом существования комитета эта инициатива не получила серьезного развития⁵⁸.

Естественно, далеко не все ученые комитеты использовали конкурсы в своей работе в равной степени. Это определялось как конкретными задачами этих подразделений, так и инструктивными положениями, регламентировавшими их деятельность.

Наиболее полное представление о данной форме работы и тенденциях ее развития дают материалы Ученого комитета III департамента (Департамента сельского хозяйства) Министерства государственных имуществ. Именно это подразделение, как отмечалось выше, и в своем возникновении, и в последующем развитии было тесно связано с Вольным Экономическим обществом. Оно, во многом благодаря Мордвинову, унаследовало задачи ВЭО⁵⁹, переведя их на уровень государственной политики. Таким образом, не случайно, что Ученый комитет МГИ активно использовал конкурсы на начальных этапах своей деятельности.

Третий департамент МГИ, столкнувшись с необходимостью на практике вырабатывать меры и рекомендации по развитию сельскохозяйственного производства, достаточно быстро осознал всю бедность находящихся в его распоряжении возможностей. Иностраный опыт, изложенный в литературе, не мог быть применен без апробации в местных условиях. Кроме того, сами эти условия, с учетом разнообразия природных, почвенных и климатических зон требовали специального научного изучения. В этой ситуации выход приходилось искать за пределами традиционных бюрократических методов управления. Да и сам "объект управления" - сельское хозяйство - требовал иных подходов.

"Одной из первых своих обязанностей - отмечалось в отчете сельскохозяйственного ведомства за десятилетний период - Департамент поставляет раскрывать обстоятельства и условия, из познания которых вытекает необходимость соответственных распоряжений". В числе мер, направленных к этому, наряду с "собираанием сведений порядком административным", конкурсные задачи Ученого комитета рассматривались как наиболее действенное средство в достижении поставленных целей⁶⁰.

Уже в декабре 1838 г., т.е. спустя менее года после своего учреждения, Ученый комитет МГИ проводит специальное заседание, посвященное составлению программы, "коею должны быть приглашаемы хозяева и ученые для разрешения избранных комитетом задач".

Программа первого конкурса включала в себя пять вопросов:

- усовершенствование луговодства, как в "ботаническом отношении", так и механических средств уборки трав;
- выявление наиболее удобоисполнимого способа "сделать удобнейшими для хлебопашества солонковатые земли";
- добывание воды в Южной и Юго-Восточной частях Европейской России;
- способы изготовления топлива из торфа;
- пятая задача, предложенная к конкурсу членом-корреспондентом комитета А.П. Заблоцким-Десятовским, строго говоря, выходила за рамки сельскохозяйственной тематики и отвечала скорее потребностям развивающейся промышленности. Им было предложено инициировать с помощью конкурса поиски залежей каменного угля⁶¹.

Именно эти задачи представлялись первоочередными членам Ученого комитета. Действительно, в условиях России первой половины XIX в. эти проблемы составляли и много позже продолжали составлять "камень преткновения" в развитии сельскохозяйственного производства.

Для награждения победителей конкурса члены комитета предложили учредить специальные медали. Решение этого последнего вопроса затянулось до конца 1840 г. В итоге по представлению Ученого комитета первоначально отпущенная для поощрения лучших конкурсных работ сумма в 857 руб. серебром была увеличена, а денежные премии были заменены медалями: большой и малой золотой и серебряными с надписями: "За полезные труды" и "От Ученого Комитета Министерства Государственных Имуществ". Большая золотая медаль выполнялась стоимостью в 150 червонцев, малая - в 50. Представляя это решение, министр государственных имуществ гр. П.Д. Киселев особо отмечал, что медали Ученого комитета будут выдаваться по примеру Вольного экономического общества⁶².

Первый из конкурсов Ученого комитета МГИ был объявлен в 1841 г. в составе первых трех вопросов программы, разработанной в 1838 г., и стал наиболее представительным по числу участников. По итогам рассмотрения рукописей было присуждено 7 медалей: две большие и две малые золотые и три серебряных. Работы, удостоенные высших наград,

были изданы отдельной книгой⁶³. Казалось бы, столь удачное начало конкурсов Ученого комитета МГИ должно было повлечь за собой столь же продуктивное продолжение этой работы. Как надеялись организаторы, с объявлением конкурсов будет открыта "возможность людям практическим, обнимающим дело с разных сторон или долговременной опытностью изучившим местные условия известного края, сообщать свои знания и мысли правительству, а через то и всем, принимающим участие в успехах сельского хозяйства"⁶⁴.

Однако, результаты последующих конкурсов, как с точки зрения общего количества участников, приславших ответы на конкурсные вопросы, так и с точки зрения качества полученных материалов, свидетельствуют об ином.

В нижеприведенной таблице представлены некоторые количественные параметры, которыми характеризуются конкурсы Ученого комитета МГИ за период с 1841 по 1853 гг., в течение которого деятельность комитета в данном направлении была наиболее активна.

Основные количественные показатели конкурсов Ученого комитета
МГИ (1841-1853 гг.)*

Количество и состав участников	1841	1844	1846	1847	1848	1849	1851	1853	Всего
Количество поданных рукописей	84	49	52	27	32	10	15	12	281
Отмечено наградами и поощрениями	17	16	16	17	1	5	3	4	79
Из них:									
Ученые, преподаватели учебных заведений	5	2	3	3	-	-	2	-	15
Помещики	6	1	5	7	-	1	1	-	21
Чиновники, состоящие в классных чинах, офицеры	3	8	4	5	-	2	-	2	24
Мещане, купцы	1	2	1	-	-	-	-	-	4
Крестьяне, казаки	-	3	2	-	-	-	-	1	6
Прочие	2	2	1	2	1	2	-	1	11
В том числе члены-корреспонденты УК МГИ	3	2							5

*Таблица составлена по данным: Обзор действий Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет, с 1844 по 1854 год. СПб., 1855. С.2-17; Ответы на задачи Ученого комитета Министерства государственных имуществ на конкурс 1841-1842 годов. СПб., 1843.

В таблице, помимо общего количества принявших участие в конкурсах, приведены данные о социальном составе награжденных медалями Ученого комитета или получивших одобрение присланных рукописей.

Разбивка по графам, отражающим социальную принадлежность, носит вынужденно формальный характер, что связано с особенностями сохранившихся данных в источниках. Так, графа "в" - чиновники, состоящие в классных чинах, офицеры - естественно, может включать в себя и известное количество помещиков - графа "б", но поскольку точных данных об имущественном положении этой категории награжденных мы не имеем, то эти группы пришлось разнести по формальному признаку. В графу "е" - прочие - вошли иностранные подданные (1846 и 1847 г.), единственная женщина, принимавшая участие в конкурсах комитета, - М.Ф. Голембовская - жена чиновника, получившая в 1848 г. малую золотую медаль за рукопись книги для крестьянского чтения, и два священника (1849 г.). Последняя социальная категория встречена только один раз, поэтому также включена в графу "прочие". Социальная принадлежность оставшихся не ясна.

Итак, начиная с 1844 г., количество участников, приславших ответы на конкурсные задачи, неуклонно падает. Особенно явно эта тенденция обозначилась с 1847 г., когда число поступивших в Ученый комитет рукописей снизилось почти вдвое по сравнению с предшествующим конкурсом 1846 г. Количество награжденных и отмеченных по итогам рассмотрения рукописей вплоть до того же 1847 г. относительно стабильно - 16-17, но затем стремительно падает. Создается впечатление, что столь большое количество награжденных и отмеченных почетными отзывами работ, - а это более половины в составе поданных рукописей, было вызвано не только и не столько их высоким качеством, сколько, возможно, стремлением поддержать активность корреспондентов Ученого комитета.

Весьма интересно вырисовывается и социальный портрет участника конкурсов. Наиболее стабильно награды получали помещики и представители чиновничества. Их доля в составе награжденных составляла около 50%, а в некоторые годы, как например, в 1847 и 1849 гг. - более половины. Данное обстоятельство вряд ли требует особого комментария. Именно землевладельцы, точнее, те из них, кто был ориентирован на внедрение прогрессивных методов хозяйствования, проявляли интерес к новациям в сельскохозяйственной науке. Для чиновничества участие и, тем более, победа в конкурсе и получение почетной медали Уче-

ного комитета становились возможной предпосылкой дальнейшего карьерного роста.

Симптоматичными оказываются данные об участии в конкурсах ученых, преподавателей и членов-корреспондентов Ученого комитета МГИ. Именно эти категории участников были потенциально наиболее подготовлены для разработки серьезных материалов по конкурсным задачам. Со второй половины сороковых годов они перестают принимать в конкурсах сколь-нибудь заметное участие. Лишь в 1851 г. наград были удостоены рукописи двух преподавателей сельского хозяйства духовных семинарий. Члены-корреспонденты Ученого комитета МГИ после 1844 г. также отсутствуют в числе лауреатов конкурсов.

Таким образом, из состава участников фактически выходят наиболее квалифицированные представители профессиональной науки, а цели, поставленные организаторами конкурсов в части привлечения лиц, "наиболее опытных", оказываются реализованными далеко не в полной мере.

Интересным фактом является успешное участие в конкурсах представителей крестьянства. В 1844, 1846 и 1853 гг. награды и поощрения присуждались крепостным крестьянам. Наиболее существенная из них - малая золотая медаль Ученого комитета МГИ, - которой был удостоен в 1853 г. "крепостной человек тайного советника Талызина, Александр Никольский" за хозяйственно-статистическое описание Балашевского уезда Саратовской губернии⁶⁵. В этих фактах наглядно проявились те демократические принципы, которые были заложены в условия экспертизы и подведения итогов конкурсов. В результате наиболее значимые и талантливые работы, вне зависимости от социальной принадлежности их авторов, удостоивались наград.

Итак, анализ итогов конкурсов Ученого комитета МГИ на протяжении 1841 - 1853 гг. выявляет определенные тенденции в изменении как общего числа, так и состава участников. Обращение к тематике конкурсных задач позволяет, как представляется, объяснить эти тенденции⁶⁶.

Как уже отмечалось выше, на конкурс 1841-1842 гг. было вынесено три конкурсные задачи: о средствах к усовершенствованию луговодства, о способах добывания воды в степных местах южной и юго-восточной России и о средствах использования для хлебопашества солонцеватых земель.

На конкурс 1844 г. были выдвинуты также три задачи: "о причинах экономических и нравственных", препятствующих развитию хозяйства

у крестьян-земледельцев. Здесь же требовалось составить "краткое, но точное наставление, заключающее в себе основные правила земледелия доступные понятиям и средствам крестьян". Таким образом, ответ на первый, достаточно провокационный в условиях крепостнической России вопрос, уже угадывался и должен был быть выдержан, во всяком случае, в рамках политической лояльности. Оставшиеся два вопроса были посвящены поиску средств к улучшению породы крестьянских лошадей и увеличению поголовья крупного рогатого скота. Последняя задача, как не решенная удовлетворительно, была повторена на конкурс 1846 г.

Конкурс 1846 г., помимо указанной выше задачи, включал еще две: "составить описание сельских промыслов известного края" и "написать рассуждение о крестьянских постройках, дешевых, прочных и наиболее безопасных от огня". Как мы увидим далее, описания - статистические, экономические - станут одной из ведущих тем в конкурсных задачах Ученого комитета.

Конкурсные задачи 1847 г. - а именно этот год, как выявил анализ таблицы, обозначил резкий спад всех количественных показателей конкурсов - фактически повторили задачи 1846 и 1844 г.: описания сельских промыслов, руководство по уходу за рогатым скотом и общее руководство по ведению крестьянского хозяйства. И вновь лишь по последней из предложенных задач были получены материалы, правда, на немецком языке, которые были сочтены полностью удовлетворительными и отмечены большой золотой медалью.

Попыткой выхода из сложившегося положения стало сокращение количества конкурсных задач. Начиная с 1848 г., Ученый комитет МГИ объявляет, как правило, к конкурсу лишь одно задание: в 1848 г. - "сочинение простонародных книг"; 1849 г. - хозяйственно- статистические описания губерний и уездов; 1851 г. - руководство по садоводству и огородничеству для крестьянских хозяйств; 1853 г. - повторение задачи о хозяйственно-статистических описаниях и т. п.

Начиная с 1853 г., конкурсы Ученого комитета приобретают иной характер: сроки конкурсов по тем или иным задачам назначаются или индивидуально, до нескольких лет, или вплоть до получения удовлетворительного решения. Меняется и система поощрения: помимо медалей Ученого комитета назначаются в ряде случаев премии. Ученый комитет принимает на себя обязательства опубликовать книгу определенным тиражом и т.д.⁶⁷ Все эти изменения явились объективным итогом нако-

пленного в течение первого десятилетия работы опыта и ввели процесс в его естественные рамки.

Анализируя развитие тематики конкурсных задач за рассматриваемый период, нельзя не увидеть усиливающегося влияния интересов собственно ведомства как бюрократической структуры. Как и некоторые другие центральные административные органы (Министерства внутренних дел и финансов), МГИ было тесно связано с управлением народным хозяйством, процессами, протекающими на обширных территориях империи. Оно остро нуждалось в совершенствовании системы сбора информации. Традиционные "административные" способы, опирающиеся на управленческую вертикаль, не могли обеспечить правительственный аппарат информацией необходимого качества. Итогом стали неоднократные повторения конкурсных задач по хозяйственно-статистическому описанию губерний и уездов. Присылаемые материалы позволяли как получить собственно сведения, так и отбирать наиболее удачные описания по форме, совершенствуя систему отчетности и инструкций для чиновников министерства, отправляемых для "обозрения" губерний. Значительное влияние на тематику проводившихся конкурсов в сороковые - начале пятидесятых годов оказывала главная задача министерства - реформа управления и обустройство быта государственных крестьян.

При всей реальной важности и значимости вышеперечисленных задач концентрация усилий участников конкурсов именно на этих направлениях не могла не сказаться на их составе и количестве, т.к. из числа потенциальных авторов исключался целый ряд категорий, в первую очередь, большинство профессиональных ученых и преподавателей высшей школы. Немногие из них располагали данными о состоянии сельского хозяйства в провинции и далеко не все чувствовали себя популяризаторами научных знаний. В конечном счете, крен в конкурсной тематике в сторону сугубо утилитарных задач входил в противоречие с обозначенными положениями о конкурсах Ученого комитета МГИ. Эти тенденции и нашли свое отражение в таблице, раскрывающей состав и численность участников конкурсов.

Таким образом, конкурсы ученых комитетов, как одно из направлений их деятельности, сыграли неоднозначную роль. Опыт Ученого комитета МГИ свидетельствует, что, усилив информационно-аналитические возможности ведомства, конкурсы, тем не менее, не смогли решить своей главной задачи: обеспечить действительное участие науки в решении действительно актуальных проблем сельского хозяй-

ства. С течением времени эта задача все более и более уходила на второй план. Отход от первоначальных идей конкурсов предопределил и постепенное их затухание в "массовой" форме.

Следует учитывать, что наряду с конкурсами МГИ, конкурсные задачи по сельскохозяйственной и близкой к ней тематике продолжало практиковать и Вольное экономическое общество. Наибольший период активности Общества в этом направлении деятельности так же приходится на первую половину XIX столетия. С 1765 г. по 1865 г. ВЭО было объявлено 243 конкурсные задачи. Следует отметить, что тематика конкурсов ВЭО во второй четверти XIX в. в большей степени соответствовала научным и техническим запросам сельского хозяйства России. Лучшие ответы на конкурсные задачи регулярно публиковались в "Трудах" этого научного общества⁶⁸.

Патронаж и просветительские программы, адресованные крестьянству, - как направление деятельности сельскохозяйственного ведомства — было сохранено и в пореформенный период. Ученый комитет продолжал регулярно проводить конкурсы на написание учебников, руководств и т.п. литературы для крестьянского хозяйства и быта. В 1856 г. "в память управления Министерством государственных имуществ гр. П.Д. Киселевым" была учреждена премия, "состоящая из золотой медали", которая присуждалась в награду за сочинения по крестьянскому быту⁶⁹.

В 1858 г. был объявлен, а в 1861-64 гг. повторен, конкурс на написание учебника естественных наук для земледельческих сельских училищ. В качестве награды победителю предполагалась большая золотая медаль стоимостью в 300 р. и денежная премия 2 тыс.руб. серебром⁷⁰. Во второй половине XIX в. в сельскохозяйственном ведомстве учреждаются и специальные премии, организованные на средства благотворителей, для поощрения авторов, создающих литературу для крестьян. Так, в 1893 г. на средства кн. М.К.Тенишевой учреждается премия за лучшее руководство по сельскому хозяйству для двухклассных училищ средней полосы России⁷¹.

Снижение интереса Ученого комитета МГИ к развитию конкурсов как средству направления усилий ученых и любителей сельскохозяйственной науки, по всей видимости, было связано и с бурным ростом сельскохозяйственных обществ в середине - второй половине XIX в., руководство которыми осуществляло МГИ в лице Департамента сельского хозяйства. Таким образом, у сельскохозяйственного ведомства появлялся новый спектр возможностей для получения данных опытной

сельскохозяйственной науки. Ниже мы подробнее остановимся на основных направлениях взаимодействия сельскохозяйственного ведомства и сельскохозяйственных обществ, как одном из примеров научной координации в рамках общегосударственной системы организации науки.

Во второй половине XIX столетия сектор негосударственных научных учреждений по своим возможностям, научным силам и средствам встает в один ряд с академической и вузовской наукой, существенно опережая их по темпам роста. В связи с этим для ведомственных ученых подразделений взаимодействие и координация усилий с научными обществами становится важным направлением деятельности.

Истории научных обществ, как наиболее крупных и значительных - Вольному экономическому, Русскому географическому, Русскому техническому, - так и отдельным группам научных обществ (естественнонаучным, техническим, историческим и т.п.) посвящена обширная историография, где содержится развернутая характеристика их вклада в национальную науку⁷². Рассмотрим, как складывались отношения органов государственной власти и конкретно ученых комитетов министерств, с негосударственными научными организациями, каковыми являлись научные общества.

Следует отметить, что в условиях России XIX в., с устоявшимися традициями жесткого социально-политического регулирования, существование структур, дистанцированных от власти, было вряд ли возможно. Автономность обществ опиралась на достаточно узкий сектор либеральных свобод, дарованных неподатным сословиям, и правовые ценности, которые с трудом укоренялись в российском обществе XIX в.

В целом, резкое противопоставление научных обществ государственным структурам применительно к условиям, существовавшим в XIX в., является скорее тенденцией отдельных исторических сочинений, нежели исторической реальностью. Вопрос этот, несомненно, заслуживает дальнейшей углубленной научной разработки, свободной от стереотипов и штампов.

Государство пристально контролировало самодеятельные организации на всех этапах создания, существования и деятельности. Государственный надзор и управление научными организациями, научными обществами в том числе, был сосредоточен в Министерстве народного просвещения. Контроль в реалиях имперской власти тесно смыкался и переплетался с патронажем и опекой.

Данные о развитии науки и ее организационных форм, причем не только в России, но и в Европе XVIII-XIX вв. в целом, свидетельствуют, что патронаж как частных лиц, так и государственных структур, играл ведущую роль в развитии институтов науки и ее отдельных направлений⁷³. В социальной истории российской науки вопрос о соотношениях разных форм патронажа лишь начинает исследоваться. В одной из немногих работ⁷⁴, посвященных этому интересному вопросу, автором статьи - Д.А.Александровым была предложена схема последовательной смены форм патронажа науки в России: "патронаж аристократов, и приходящий [ему] на смену патронаж ассоциаций, наконец, патронаж государства"⁷⁵. В свете конкретных исторических материалов данная последовательность форм представляется несколько общей и не вполне отражающей специфику взаимоотношений государственной власти и науки в России.

Для крупных научных обществ, бюджеты которых были сопоставимы с бюджетами государственных учреждений, государственное субсидирование с момента их образования являлось ведущим источником средств для осуществления конкретных исследовательских программ. Наглядным примером данному утверждению являются конкретные шаги правительства по поддержке ведущих научных обществ как в первую, так и во вторую половину XIX столетия.

Уже в начале XIX в. (1801 г.) Александр I устанавливает ежегодную субсидию для ВЭО в размере 5 тыс. рублей ежегодно. Кроме того, обществу было пожаловано для опытов место на Петровском острове в Санкт-Петербурге, а в 1803 г. высочайшим повелением было объявлено, что "впредь на почтах от членов и корреспондентов общества принимать письма, сочинения и отправляемые в общество посылки до 1 пуда безденежно"⁷⁶. При учреждении Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) в 1818 г. ему одновременно было пожаловано 10 тыс. рублей, пустошь в 170 десятин и льготы по почтовым пересылкам⁷⁷. К 1845 г. сельскохозяйственные общества ежегодно получали 32 426 рублей (ВЭО - 16999 руб., МОСХ - 13999 руб., Общество сельского хозяйства юга России - 1428 руб.)⁷⁸.

Весьма значительны были правительственные средства, затрачивавшиеся и на другие научные общества. РГО, РТО, Минералогическое общество постоянно получали государственные субсидии, в первую очередь, на осуществление конкретных программ. Так, с 1860-х гг. правительство выделяло Минералогическому обществу ежегодно 3 тыс.

рублей на осуществление работ по созданию геологической карты России⁷⁹.

Столь тесные финансовые связи научных обществ и государственной власти не могли не иметь и соответствующего "встречного движения". Оно проявлялось в выполнении обществами ряда конкретных прикладных задач в интересах государственного управления. В известном смысле имело место определенное "огосударствление" научных обществ, когда они рассматривались правительственными чиновниками как некие "приложения" к государственному аппарату.

Раньше всего эти тенденции коснулись штатных сотрудников обществ. На протяжении первой половины XIX в. устанавливаются правила службы "по ученым обществам". Высочайше утвержденными уставами обществ, лицам, служащим в них, предоставлялось право государственной службы. С течением времени их круг расширялся, включая и некоторые выборные должности. Так, в 1849 г. права действительной службы были предоставлены секретарям ученых сельскохозяйственных обществ⁸⁰. А в 1861 г. права государственной службы были предоставлены "даже не состоящим в оной лицам, которые будут отправляемы Императорским Русским географическим обществом в дальние экспедиции с ученой целью"⁸¹.

Двойственное положение научных обществ наглядно характеризуется своеобразной ситуацией, когда потребовалось специальное разъяснение о том, что общества сельского хозяйства освобождаются от дачи отчетов Государственному контролю в расходуемых ими (обществами) суммах⁸².

Система взаимоотношений научных обществ и министерских ученых комитетов во многом определялась общностью научных задач и целей. Эти отношения строились на взаимном дополнении и сотрудничестве, которое не исключало и неизбежных противоречий. Весьма интересными данными, подтверждающими приведенный выше тезис о тесных связях, существовавших между обществами и учеными учреждениями министерств, являются сведения о членах-учредителях и руководителях крупнейших российских научных обществ, возникающих в XIX в.

В 1845 г. образовалось Русское географическое общество (РГО). По данным П.П. Семенова (Тян-Шанского), идею о создании общества высказали Ф.П. Литке и К.И. Арсеньев⁸³. Первый - в 1846 г. возглавил Морской ученый комитет, второй - являлся руководителем Статистического отделения. В составе его членов - учредителей - Ф.П. Врангель,

Г.П. Гельмерсен, П.И. Кеппен, И.Ф. Крузенштерн, П.И. Рикорд, В.Ф. Одоевский. Все эти ученые были действительными (и активными) членами ученых комитетов Морского министерства и Министерства государственных имуществ, некоторые из них в разные годы возглавляли эти подразделения. Таким образом, 8 из 17 членов - учредителей, фактически половина, была теснейшим образом связана с учеными комитетами министерств.

Сходную картину можно наблюдать, обращаясь к составу других научных обществ. Активное участие в организации Русского технического общества (РТО) принимал бар. А.И. Дельви́г, бывший первым председателем РТО, а по службе в Министерстве путей сообщения тесно связанный с его научно-консультативными структурами. Академик Н.И. Кокшаров, член Горного ученого комитета, с 1865 по 1891 г. являлся директором Минералогического общества. Академик Н.Н. Зинин - член Медицинского совета МВД, один из основателей и первый президент (1868-1878 гг.) Русского химического общества. Н.Ф. Здекауэр - также член Медицинского совета (в 1884-89 гг. его председатель) стал одним из главных вдохновителей и организаторов, а затем и председателем Русского общества охранения народного здравия⁸⁴.

По подсчетам Н.Г. Филиппова, который проанализировал списки членов РТО по данным на 1868 г., в его составе было 9% крупных военных и 4,5% гражданских чиновников⁸⁵, что в сумме дает 13,5% общего состава членов общества. Институт почетных членов позволил инкорпорировать в состав РТО "почти всех министров царского правительства, которые могли быть действительно полезными обществу"⁸⁶. Присутствие в составе РТО значительного числа представителей высшей администрации - по справедливому замечанию того же автора, - "ускоряло процесс доведения до правительственных кругов пожеланий научно-технической общественности ... и буржуазии"⁸⁷.

Количество примеров можно множить. Большинство из членов ученых комитетов принимали участие в создании научных и технических обществ и активно сотрудничали с ними, это лишь дополнительно подтверждает уже отмеченную тенденцию. В чем она заключалась?

Во-первых, научная элита оказывалась одинаково востребованной как властью, так и коллегами по цеху науки. Положение члена ученого комитета, возможность доступа в коридоры власти, создавали, без сомнения, дополнительные возможности для лидерства в научном сообществе.

Во-вторых, члены ученых подразделений министерств реально оценивали ограничения, существовавшие в статусе ученых комитетов, прекрасно сознавали условия, в которых протекала их деятельность. В итоге они оправданно стремились к развитию сектора науки, наименее стиснутого административным регулированием, где более свободно могла быть организована совместная работа широкого круга ученых, техников, представителей делового мира и правительственной администрации. Таким образом, роль ряда крупных столичных научных и технических обществ оказывалась более сложной и многогранной, чем фиксировалось в их уставах.

Ведущие ученые, входившие в состав комитетов, в громадном большинстве своем отличались выраженной гражданской позицией. Их деятельность на пересечении науки и администрации сама по себе являлась способом поставить науку на службу России, ее народу. Участвуя в силу статусного положения в решении вопросов организации науки, они стремились к целесообразному разделению функций между отдельными научными структурами.

В этом плане показательной является формулировка задач РГО, в том виде, как она была обозначена Ф.П.Литке при открытии общества 6 октября 1845 г.: "Географическое общество ... есть как бы распространение Академии для некоторой самостоятельной цели"⁸⁸. Ф.П.Литке, таким образом, своеобразно проводит грань между универсальным — по спектру направлений, и государственным - по ведомственной принадлежности, научным сообществом - Академией, и специализированным и самостоятельным - научным обществом. Спустя менее чем год, в апреле 1846 г., Литке представил на высочайшее рассмотрение проект преобразования Морского ученого комитета, в котором была четко определена роль вспомогательного научного учреждения - это анализ всей суммы научно-технических новшеств, относящихся к ведомству, "из коих все требуют рассмотрения и обсуждения, чтобы отличить полезное от неосновательного"⁸⁹.

Таким образом, руководители ученых подразделений министерств целенаправленно принимали участие в создании национальной системы научных обществ, усматривая в них одно из средств реализации наукой своей социальной роли. Характерно, что уставы практически всех российских научных обществ XIX в. в формулировке своих целей и задач исходят из соображений общественной и государственной пользы создающегося научного объединения⁹⁰.

Научные общества и правительственные подразделения, в первую очередь, в лице своих ученых подразделений, были связаны разнообразными механизмами взаимодействия. В рамках нашей темы мы не рассматриваем политику Министерства народного просвещения в отношении научных обществ, ограничившись комплексом связей, устанавливавшихся между обществами и профильными учеными подразделениями министерств.

В целом спектр таких взаимодействий можно свести к нескольким основным направлениям:

- Направление усилий научных обществ на выполнение программ в интересах государственного управления и развития национальной экономики путем предоставления целевого финансирования конкретных направлений их деятельности.

- Контроль и обобщение результатов работы научных обществ посредством законодательно закрепленных механизмов надзора за их деятельностью. Данное направление, как правило, сопровождалось нецелевой финансовой и другой поддержкой обществ.

- Инициирование создания и последующая поддержка научных обществ, использующихся как средство реализации конкретных направлений правительственной политики.

- Наконец, трудно формализуемым, но важным каналом взаимодействия являлся комплекс неформальных связей обществ и министерских ученых подразделений, обеспечивавшийся членством, и, нередко, руководством обществами представителями ученых комитетов министерств.

Первый из выделенных типов взаимодействия достаточно явственно просматривается на примере крупнейших научных обществ: Вольного экономического (особенно в первую половину XIX в.), Русского географического, Русского технического и Минералогического обществ.

Старейшее из российских научных обществ - Вольное экономическое - в первой половине XIX в. сумело существенно активизировать свою деятельность. Успехи были достигнуты во многом благодаря деятельному руководству делами президента общества - Н.С.Мордвинова, который возглавлял его на протяжении 1823-1840 гг. Удивительна энергия этого человека. При вступлении на президентский пост Мордвинову было уже 69 лет.

В 1826 г. общество взяло на себя чрезвычайно важную и трудную в условиях крепостнической России работу по оспопрививанию. С 1824 по 1845 г. оспа была привита 41 млн. грудных детей. ВЭО от лица правительства награждало фельдшеров и организаторов прививания оспы

специальными медалями⁹¹. Правительство в качестве субсидии выделило первоначально по 1 тыс. рублей из земских повинностей в течение 10 лет, затем эти средства были заменены иными источниками финансирования⁹².

В 1833 г. по ходатайству Н.С.Мордвинова было возбужден вопрос "об усилении способов Вольного экономического общества". В записке, поданной на имя Николая 1, Мордвинов испрашивал 78 тыс. руб. на изыскание способов усовершенствования земледелия в России. Решение вопроса затянулось, послужив, как отмечалось выше, исходным пунктом в создании государственного ученого сельскохозяйственного учреждения. Тем не менее ВЭО было выделено 20 тыс. рублей "на посылку молодых людей в чужие края"⁹³.

В 1845-1852 гг. ВЭО принимало участие в программе правительства по собиранию статистических сведений о сельском хозяйстве страны. В 1851 г. по предложению Министерства государственных имуществ ВЭО через своих членов и корреспондентов осуществило сбор данных "о действительных нуждах" сельского хозяйства в различных регионах России⁹⁴.

Наиболее масштабной программой по изучению аграрного производства и его условий стала осуществленная уже в пореформенный период совместно с Русским географическим обществом (1867-1868 гг.) программа исследования хлебопроизводящих районов России. Обществами было организовано 8 экспедиций, по материалам которых в 1870- 1874 гг. были изданы 8 выпусков материалов, сведенных в 4 тома и включивших монографии известных экономистов-членов обществ: И.Ф. Барковского, В.П. Безобразова, В.И. Чаславского, Ю.Э. Янсона и др.⁹⁵

Постоянными и плодотворными были связи, объединявшие Русское географическое общество и статистические учреждения МВД, а также с научными учреждениями Генерального штаба. Их налаживанию послужили и тесные личные контакты Д.А. Милютина и П.П. Семенова (Тян- Шанского) с руководством общества и его статистическим отделением. П.П.Семенов (Тян-Шанский) с 1864 г. возглавил ЦСК МВД, одновременно являясь председателем Отделения физической географии РГО, а с 1873 г. стал вице-председателем и фактическим руководителем Общества. Для работы в ЦСК им были привлечены многие видные статистики из числа членов Статистического отделения РГО: в их числе, А.И. Артемьев, Е.К. Огородников, И.И. Вильсон, Н.Б. Штиглиц⁹⁶.

Важным вопросом, затрагивавшим всю систему административного управления, являлся вопрос совершенствования системы статистического учета в государстве. От его решения напрямую зависели успехи осуществлявшихся в 60-70 гг. XIX в. реформ. Со второй половины 50-х гг. МВД как ведомство, где сосредотачивалась административная статистика, предпринимает ряд систематических шагов по совершенствованию, как центральных статистических учреждений, так и комитетов в губернских центрах⁹⁷.

Наряду с организационными вопросами, существенной являлась и проблема научно-методической разработки способов и форм сбора и обработки статистических данных. В 1859 г. по ходатайству президента РГО Министерством внутренних дел были выделены средства и составлена совместная комиссия для проведения конкурса на тему: "Об оценке существующих у нас способов собирания статистических данных и об указании наилучших средств к усовершенствованию этой части в нашем отечестве"⁹⁸. Полученные результаты конкурса не удовлетворили ни РГО, ни руководство МВД, и конкурс был повторен в 1861- 1863 гг. по более узкой программе: "О наилучших статистических приемах народоисчисления"⁹⁹. Победителем конкурса с присуждением полной премии в 1 тыс. рублей стал А.Б. фон Бушен, бывший в тот период старшим редактором Центрального статистического комитета МВД.

В данном случае мы не случайно упомянули имя этого талантливого русского ученого-статистика. Его профессиональная судьба наглядно показывает, сколь тесной была интеграция различных по ведомственной принадлежности структур, но объединенных единой деятельностью.

Артур Богданович фон Бушен после окончания столичного университета в 1851 г. начал службу в канцелярии РГО в чине титулярного советника и одновременно - на должности младшего производителя работ ЦСК без жалования. Дело в том, что эта должность в реестре чинов предусмотрена не была, и желание заниматься статистикой на первых порах приходилось осуществлять безденежно. Дополнительным заработком в первой половине 50-х гг. становится должность адъюнкт- профессора истории и географии в Александровском лицее. В 1855 г. Бушен избирается действительным членом РГО, с которым и в последующие годы продолжал тесно сотрудничать. В дальнейшем его судьба была связана с ЦСК МВД, Министерством финансов, где он также занимался налаживанием статистического учета. В 1859 и 1861 гг. командировался за границу для практического изучения работы статистиче-

ских служб в Англии, Пруссии, Швеции и Франции. Наконец, в 1865 г. он становится делопроизводителем и членом Комиссии "по устройству в России правильной регистрации", в рамках которой были объединены как специалисты ведомственной статистики, так и силы научных обществ и Академии¹⁰⁰.

Этот пример наглядно показывает, как в конкретных судьбах деятелей науки активное участие в деятельности научных обществ органично переплеталось с государственной службой, научной деятельностью, преподаванием.

Правительство во второй половине XIX в. систематически передавало на рассмотрение обществам вопросы текущей политики, требующие как широкого согласования с кругами буржуазии и техническими специалистами, так и основательной научной проработки.

Многоплановым было и участие в правительственных программах Русского технического общества. Так, I отдел РТО, курировавший в том числе металлургию и горное дело, создал в 1874 г. представительную комиссию под председательством начальника уральских горных заводов и члена Горного ученого комитета А.А.Иоссы для изучения запасов руды в Криворожском бассейне. Чтобы подкрепить полученные данные, РТО ходатайствовало о назначении повторной комиссии, уже правительственной, из специалистов горного ведомства для детального анализа пригодности месторождения к промышленному освоению. Выводы, полученные РТО и подкрепленные Горным департаментом, стимулировали интерес промышленников к разработке бассейна, которая была начата в 1881 г.¹⁰¹

В 1876 г. при поддержке министра финансов М.Х.Рейнтерна в обществе действовала комиссия по изучению состояния нефтяной промышленности в России и определению мер для ее дальнейшего развития. Министерство командировало ее членов: Д.И.Менделеева и К.И.Лисенко для изучения нефтяной промышленности за рубежом. Выводы комиссии повлияли на выработку новых правил для Кавказских нефтяных промыслов и снятие акциза на продукты нефтепереработки¹⁰².

РТО и ВЭО в 70-80-е гг. принимали активное участие в обсуждении тарифов на ввозимый металл и оборудование и пошлин на вывоз сельскохозяйственной продукции. Обществами была проделана громадная аналитическая работа, привлечены ведущие специалисты и предприниматели, что позволяло им выступать с детально обоснованными программами в защиту русского товаропроизводителя¹⁰³.

Зачастую отношения научно-технической общественности и властных структур складывались конфликтно. Отказ в поддержке тех или иных предложений, высказанных научными обществами, определялся влиянием конкретных политических и деловых кругов, и, что наиболее болезненно воспринималось членами обществ, боязнью со стороны правительственных кругов использования трибуны научных обществ для обсуждения "политических вопросов". В литературе, посвященной деятельности научных обществ в России XIX в., приведено немало примеров именно такого развития событий при попытках обществ реализовать многие ценные инициативы¹⁰⁴.

Это не только объективно вредило экономическому и научно-техническому развитию страны, но и подчеркивало и укрепляло складывающиеся стереотипы восприятия власти как антагониста научной интеллигенции. Упорное нежелание правительства искать и находить формы для расширения общественного участия в принятии политических решений становилось во второй половине XIX в. все более заметным препятствием на пути национального развития, в том числе продуктивной эволюции социальных организаций научной и технической интеллигенции.

Наряду с участием научных обществ в разработке отдельных направлений правительственной политики, широчайшим полем их деятельности являлась работа по выявлению прикладных аспектов использования научного знания и тесно связанная с ней - по пропаганде передовых приемов производства и хозяйствования. В деятельности сельскохозяйственных обществ, количество которых на протяжении второй половины XIX в. увеличивается быстрыми темпами¹⁰⁵, эти аспекты работы являлись первоочередными.

С созданием Министерства государственных имуществ в центральных органах государственного управления фактически оформилась двухуровневая система контроля над деятельностью научных обществ: при сохранении руководства большинством из них со стороны МНП вновь создаваемые "отраслевые" общества оказывались в подчинении профильного министерства. МГИ было куратором крупнейшей по численности группы научных обществ - сельскохозяйственных. Помимо данного ведомства, контроль осуществляли МВД и некоторые другие центральные органы, но в несравненно меньших масштабах.

В "Наказе" министру государственных имуществ в статьях 56 и 57 вменялась обязанность по "организации сельскохозяйственных обществ и содействию этим обществам в достижении их целей"¹⁰⁶. Непосредст-

венное руководство "агрономическими и лесными обществами" осуществлялось I отделением III Департамента и состоящим при департаменте Ученым комитетом¹⁰⁷. В 1866 г. министру было предоставлено право утверждать уставы вновь образуемых сельскохозяйственных обществ¹⁰⁸.

Первой из задач, которую приходилось решать Ученому комитету и I отделению, - это налаживание системы сбора информации с мест. Аккумуляция этих сведений в департаменте и их публикация в журнале "Сельское хозяйство и лесоводство" позволяли соединять разрозненные данные опытов по использованию новых сортов и культур, применению образцов сельскохозяйственной техники и т.п. В апреле 1879 г. Департамент сельского хозяйства обратился к обществам с запросом о предоставлении основных сведений об обществах: численность, состав и структура общества, размер годовых взносов и материальные средства, наличие изданий, опытных и других заведений¹⁰⁹. С 1887 г. этот перечень сведений становится обязательной формой отчетности.

Сельскохозяйственные общества во второй половине XIX в. представляли собой серьезную научную силу. В их составе объединялись хозяева-практики, заинтересованные в совершенствовании аграрного производства, видные ученые различных специальностей. По данным отчетов в 1870-е - 1880-е гг., крупнейшее сельскохозяйственное общество - ВЭО - насчитывало в своем составе более 1000 человек, в том числе, около половины действительных и почетных членов, остальные - члены-корреспонденты (сотрудники). МОСХ - более 500, ОСХЮР около 200 и т.п.¹¹⁰ С сельскохозяйственными обществами во второй половине столетия активно сотрудничали такие известные российские ученые, как В.П. Безобразов, А.Н. Бекетов, Б.Б. Веселовский, В.В. Докучаев, П.А. Костычев, Д.И. Менделеев, А.В. Советов и многие другие.

Крупные общества имели в своем распоряжении опытные поля и участки, лаборатории. Кроме того, исследовательская и опытная деятельность обществ тесно смыкалась с частной инициативой. Общество высту пало либо как научно-методический центр (например, программа для Запольской опытной станции фон-Бильдерлинга, подготовленная ВЭО), либо брало на себя часть издержек по проведению опытов (программа Д.И. Менделеева в Боблово)¹¹¹.

Таким образом, аккумуляция научных результатов, получаемых обществами, становилось для Ученого комитета МГИ одним из важных направлений деятельности. Журнал министерства "Сельское хозяйство и лесоводство" регулярно помещал материалы обществ. На его страницах публиковались доклады членов обществ, отчеты об их деятельно-

сти, обзоры периодических изданий и отдельных монографий, выпускавшихся обществами.

Наглядным примером взаимодействия Ученого комитета министерства, сельскохозяйственного общества и других заинтересованных сторон может служить опытная программа Полтавского общества сельского хозяйства, которая начала реализовываться с 1883 г.

Решение об открытии Песчанского опытного поля было принято совместно обществом и местным земством, которое явилось главным патроном проводившихся исследований. Земство выделило 7,5 тыс. рублей единовременных субсидий и обязалось оказывать ежегодную помощь в размере 3050 руб. В 1885 г. была приобретена 21 десятина земли и возведены необходимые постройки. Годом позже 1,5 тыс. рублей было выделено на нужды опытного поля Департаментом сельского хозяйства. Программа опытного поля была составлена на основании запросов членов Полтавского сельскохозяйственного общества. На 400 опытных делянках проводились посевы многолетних трав и травяных смесей, различных сортов хлеба, картофеля и кукурузы¹¹². Департамент земледелия и сельской промышленности, поддерживая начинание Полтавского общества, неоднократно обращался к нему с просьбами о проведении на опытном поле испытаний новых сортов. Так, в 1888 г. по его просьбе испытывались 5 сортов американского табака и ставился эксперимент по высадке китайского хлебного дерева¹¹³.

Несмотря на проявившиеся признаки аграрного кризиса, правительство не особенно спешило в развертывании государственного сельскохозяйственного опытного дела. Первые казенные опытные станции начали возникать лишь в 90-е гг. XIX в. (Энгельгардтовская в Смоленской губ., Шатиловская в Тульской, Валуйская (Костычевская) в Самарской, Ташкентская в Туркестане, Сухумская и Сочинская садовые и винодельческая в Кишиневе). Даже на рубеже XIX и XX столетий негосударственные формы организации сельскохозяйственной экспериментальной науки превалировали над учреждениями МЗиГи. В 1899 г. из 47 опытных учреждений казенных было 17, земских - 14, обществам принадлежало 11, а 5 являлись частными¹¹⁴. Таким образом, при очевидном запаздывании России в создании сети государственных опытных станций ведомственная сельскохозяйственная наука стремилась опереться на существовавшие земские и частные опытные учреждения и находила поддержку.

МГи привлекало общества и для проведения общероссийских исследований анкетного характера. В 1880 г. сельскохозяйственным об-

ществам была предложена программа сбора сведений о состоянии овцеводства и шерстяной промышленности в России. Собранные материалы подкрепили и дополнили данные экспедиций и комиссий МГИ по исследованию этой важной отрасли народного хозяйства. В 1882-84 гг. собранные материалы были опубликованы в виде трехтомного издания: "Исследование современного состояния овцеводства в России" (СПб. 1882-1884.) В 1883 г. сельскохозяйственным обществам были предложены анкеты о мерах к поощрению винокурения, поставкам хлеба Главному интендантскому управлению, перевозкам скота по железным дорогам и др.¹¹⁵

Третье из выделенных направлений правительственной политики - инициирование создания обществ - было достаточно мало распространено в практике деятельности центральных административных органов. Тем не менее о нем следует упомянуть уже потому, что оно достаточно ярко иллюстрирует бюрократический взгляд на общественные объединения и их назначение.

Правительство неоднократно предпринимало прямые шаги к созданию "ученых обществ", способствующих решению государственных задач. Выше мы уже говорили о попытках учреждения таких обществ на горных заводах и в горнозаводских округах. Типичным примером подобного мероприятия, осуществленного Министерством финансов, является попытка учреждения в 1832 г. Общества для поощрения лесного хозяйства в Санкт-Петербурге. Целью общества являлось "обращать внимание публики, особенно лесовладельцев, на крайнюю необходимость заниматься без отлагательства важным предметом сбережения лесов"¹¹⁶. Общество по § 5 его устава находилось под покровительством императора, получало ежегодную субсидию в размере 12 тыс. рублей в год и помещение в здании Министерства финансов¹¹⁷.

Государственная инициатива в создании обществ требовала больших финансовых затрат на его поддержку и, как правило, не приносила сколь-нибудь масштабных результатов. Последнее - вполне очевидно, поскольку общество превращалось фактически в бюрократическое учреждение, лишенное инициативы и субсидируемое бюджетом. Обществом поощрения лесного хозяйства был налажен выпуск "Лесного журнала" и издано несколько руководств по правильному ведению лесного хозяйства. Однако, привлечь сколь-нибудь заметное число лесовладельцев ему не удалось и в 1845 г. оно было присоединено к ВЭО на правах отделения¹¹⁸. Условия для возникновения и результативной деятельности подобного общества созрели лишь четверть века спустя, и в 1871 г.

Лесное общество было воссоздано. МГИ по прежнему продолжало оказывать обществу поддержку, однако новое объединение было уже целиком плодом частной инициативы. Если при организации общества в 1871 г. состав его учредителей составлял 137 человек, то к 1887 г. численность общества достигла 220 членов. Лесному обществу удалось воссоздать "Лесной журнал", заглохший в 1851 г., осуществить издание "Лесохозяйственного статистического атласа России" и провести в 70-е - первой половине 80-х гг. 6 съездов лесохозяев¹⁹.

Таким образом, деятельность ученых комитетов тесно переплеталась с работой других учреждений в рамках национальной системы организации науки. На практике имело место единое пространство науки, где межведомственные перегородки были более чем проницаемы. По мере развития структуры научных организаций в России усложнялись и связи, существовавшие между ними. С ростом научного потенциала экспериментальной базы происходило постоянное перераспределение функций между отдельными секторами организации науки. Значительную роль в выполнении учеными комитетами и советами своих функциональных обязанностей играли обширные связи их членов, обеспечивавшиеся тесными контактами вспомогательных ученых подразделений министерств с Академией наук, учебными заведениями, научными обществами.

В последней четверти XIX столетия наглядно обозначается тенденция к более тесной интеграции и координации прикладных научных исследований. Этому способствовала как логика развития науки, так и задачи и потребности в научном обеспечении государственного управления.

---

¹ Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. С. 67.

² Павлова Г.Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. С. 105- 106.

³ См.: Степанский А.Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. Учебное пособие; Хартанович М.Ф. Императорская Академия наук в системе государственных общественных научных учреждений // Вопросы истории техники и естествознания. 1999. №2. С. 5-10 и др.

⁴ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21105.

⁵ Там же.

⁶ Мирский М.Б. Медицинская коллегия: из истории медицины в России XVIII в. // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. 1995. №2. С.56- 57.

⁷ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21105.

- 8 ПСЗ-1. Т.XXX. №23185.
- 9 Богданов Л.П. Русская армия в конце XVIII - первой четверти XIX вв. (Организация, управление, комплектование, вооружение). Дисс. ... д.и.н. М., 1981. С.309.
- 10 ПСЗ-1. Т.XXXII. № 24971.
- 11 ПСЗ-2. Т.X. №8661.
- 12 ПСЗ-2. Т.XXXII. № 31989.
- 13 СВП (1869 г.) Изд.2. 4.1. Кн. 1. Ст. 156.
- 14 Добронизский А.В. Жизнь и деятельность И.А.Тимме // Записки Горного института. 1909. Т.2. Вып.2. С.91.
- 15 Цитович С.Г. Горыгорецкий земледельческий институт - первая в России высшая сельскохозяйственная школа (1836 - 1864 г.). Горки, 1960. С. 15-17.
- 16 РГИА, ф.398, оп.6, д. 1589, л.5-6.
- 17 Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т. 1. М.-Л., 1946. С.
- 18 СЗ изд. 1842 г. Т.XIII. Устав о городском и сельском хозяйстве. Ст. 242-328.
- 19 Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч. 1. С.72.
- 20 Обзор действий Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет с 1844 по 1854 год. Ч.И. С.121.
- 21 РГИА, ф.398, оп.25, д.9867, л. 14.
- 22 РГИА, ф.398, оп.13, д.4471, л.89-114.
- 23 Там же. Л.121.
- 24 Там же. Л.121-122.
- 25 См., например: Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л., 1991. С.142.
- 26 Краткий обзор деятельности казенного лесного управления за 1893 - 1902 гг. СПб., 1903. С.256-263.
- 27 Шапиро А. К вопросу о привилегиях на изобретения в России в 30-х гг. XIX в. //Красный архив. 1939. Т.5 (96). С.148,162.
- 28 ПСЗ-1. Т.XXXII. № 25143.
- 29 Министерство финансов. 1802-1902 гг. Т.1. С.245.
- 30 Шапиро А. Ук.соч.; ПСЗ-2. Т.VIII. № 6588.
- 31 Шапиро А. Ук.соч С. 153.
- 32 ПСЗ-2. Т.XV. № 13888. МГИ осуществляло выдачу привилегий в сфере сельскохозяйственной промышленности до 1896 г., когда все дела о привилегиях были объединены в ведении Комитета по техническим делам при Департаменте торговли и мануфактур МФ.
- 33 Обзор действий Департамента сельского хозяйства ... с 1844 по 1854 гг. 4.1. С.55. Приложение 6. С.35-38.
- 34 Краткий очерк деятельности Ученого комитета Министерства Земледелия и государственных имуществ за время с апреля 1894 по декабрь 1898 г. С.46.

- 35 РГИА, ф. 398, оп.6, д. 1586, л. 15.
- 36 Там же. Л.16-17.
- 37 Там же. Л.29-30.
- 38 Краткий обзор деятельности казенного лесного управления за 1893- 1902 гг. СПб., 1903. С.271-272.
- ³⁴ Празднование столетия Лесного департамента. СПб., 1898. С. 13; Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч.Ш. Отд. II. С.175.
- 40 Краткий обзор деятельности казенного лесного управления за 1893- 1902 гг. С.272.
- 41 Там же. С.119-120.
- 42 Там же. С.273, 282-283.
- 43 ПСЗ-2. Т.XI. №9319 §9.
- 44 Там же. Т.IX.№6716. §10.
- 45 Моисеев А.И. Ук.соч. С.40.
- 46 Пашутин В.В. Академик, заслуженный профессор В.В.Пашутин, начальник Военно-медицинской академии и председатель Медицинского совета МВД. Автобиография. СПб., 1899. С. 10.
- 47 Моисеев А.И. Ук.соч. С.18.
- 48 Павлова Г.Е. Организация науки... С. 167.
- 49 Бастракова Н.С. Академия наук и университеты // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1974. № 4; Она же. Академия наук и власть: Второе столетие. От Академии Императорской к Российской // Российская академия наук. 275 лет служения России; Павлова Г.Е. Организация науки в России; Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России; Хартанович М.Ф. Ученое сословие России и др.
- 50 ПСЗ-2. Т.XI. № 8765. §3.
- 51 Павлова Г.Е. Организация науки ... С.115.
- 52 Хартанович М.Ф. Императорская Академия наук в системе государственных и общественных научных учреждений // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. №2. С.61.
- 53 Цит.по: Министерство финансов. 1802-1902. Т.I. С.348-349.
- 54 Там же. С.349.
- 55 Хартанович М.Ф. Императорская Академия наук в системе ... С.64,66.
- 56 Отчет за 1844 г. по управлению Генерал-инспектора инженеров // Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России за время царствования императора Николая I. Приложение. С.85.
- 57 ПСЗ-2. Т.X. № 42239.
- 58 РГИА, ф.211, оп.1, д.2, л.1-58; См. так же: Краткий исторический очерк Ведомства путей сообщения за 100 лет. С. 120, 141.
- 59 Вешняков В.И. Ук.соч. С.22.
- 60 Обзор действий Департамента сельского хозяйства ...за 1844-1854 год.
- С.1.

- 61 РГИА, ф.398, оп.2, д.354. л.1-2об.
- 62 Там же. Л.75.
- 63 Ответы на задачи Ученого комитета Министерства государственных имуществ на конкурс 1841-1842 годов. СПб., 1843. С.1-П.
- 64 Обзор действий Департамента ... С.2.
- 65 Там же. Добавление к главе 1. Ч. 1. С. 1.
- 66 Тематика конкурсных задач см.: Обзор действий Департамента ... С.4-17.
- 67 РГИА, ф.398, оп.25, д.9867, л. 14об,- 15.
- 68 Ходнев А.И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 по 1867 год. СПб., 1865. С. 314.
- 69 ПСЗ-2. Т. XXXI. № 31303.
- 70 РГИА, ф.398, оп.25, д.9867, л. 13-14.
- 71 Краткий очерк деятельности Ученого комитета Министерства земледелия ... СПб., 1899. С.47. См. также: Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л., 1991. С. 142.
- 72 См.: Орешкин В.В. Вольное экономическое общество в России. 1765 - 1917 гг. М., 1963; Семенов-Тянь-Шанский П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845-1895. Т.1. СПб., 1896; Филиппов Н.Г. Научно-технические общества России (1866-1917 гг.) М., 1975 и др.
- 73 См.: The Patronage of Science in Nineteenth Century. / Ed. by G. L'E. Turner. Leyden, 1976.
- 74 См.: Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4.
- 75 Там же. С. 10.
- 76 ПСЗ-1. Т. XXVI. № 19832; № 19896; См. так же: Орешкин В.В. Вольное экономическое общество в России. С. 35.
- 77 ПСЗ-1. Т. XXXVI. № 27623.
- 78 Пахман Ю.М. Ук.соч. С.26.
- 79 См.: Романовский С.И. А.П.Карпинский. С. 120-121.
- 80 ПСЗ-2. Т. XXIV. № 22938.
- 81 Там же. Т. XXXVI. № 37758.
- 82 Там же. Т. XIX. № 18161.
- 83 Семенов (Тянь-Шанский) П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845-1895. СПб., 1896. Т.1. С.7-8.
- 84 См.: Юбилей пятидесятилетней службы в офицерских чинах бар. А.И.Дельвига. С.10-11; Шафрановский И.И. Н.И.Кокшаров; Фигуровский Н.А., Соловьев Ю.И. Н.Н.Зинин. М., 1957; Здекауэр (Николай Федорович) // Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Т.5. С. 199.
- 85 Филиппов Н.Г. Научно-технические общества ... С.25.
- 86 Там же. С.29.
- 87 Там же. С.26.

- 88 Записки Русского географического общества. Кн. I и II. СПб., 1847. Изд. 2. С.16.
- 89 РГА ВМФ, ф.162, оп.1, д. 145, л.2.
- 90 Ср.: Устав Русского географического общества // ПСЗ-2. Т. XXIV. № 23778; Устав Русского технического общества // ПСЗ-2. Т. XXI. № 43219 и др.
- 91 Орешкин В.В. Ук.соч. С.30.
- 92 Ходнев А.И. История Императорского Вольного экономического общества. С. 147.
- 93 Пахман Ю.А. Ук.соч. С.35.
- 94 Орешкин В.В. Ук.соч. С.36.
- 95 См.: Труды экспедиции, снаряженной Вольным экономическим и Русским географическими обществами для исследования хлебной торговли и производительности России. Т. 1-4. СПб., 1870-1874.
- 96 Мельникова О.Б. П.П.Семенов-Тянь-Шанский и Российская статистика. С.50.
- 97 РГИА, ф. 1290, оп. 1, д.310, л.64-65,211.
- 98 Там же, д.306, л. 1-2.
- 99 Там же, л.10-10об.,15.
- 100 Там же, оп.3, д.33, л. 1-13,85об.
- 101 Филиппов Н.Г. Ук.соч. С.63.
- 102 Там же. С.82.
- 103 Орешкин В.В. Ук.соч. С. 41; Филиппов Н.Г. Ук.соч. С.102-103.
- 104 См.: Орешкин В.В. Ук.соч. С.43-44,47 и др.; Филиппов Н.Г. Ук.соч. С.84,120-121 и др.; Соловьев С.П. Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук. М., 1967. С. 32.
- 105 Морачевский В.В. Сельскохозяйственные общества в России. СПб., 1911. С.11.
- 106 ПСЗ-2. Т. XII. № 10834.
- 107 Там же.
- 108 Чернуха В.Г. Сельскохозяйственные общества России в 60-70-е гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 188-189.
- 109 Сельское хозяйство и лесоводство. 1879. №4. С.2-3.¹⁰ Чернуха В.Г. Ук.соч. С. 193.
- ¹¹¹ Елина О.Ю. Наука для сельского хозяйства в Российской империи: формы патронажа// Вопросы истории естествознания и техники. 1995. №1. С.51-53.
- ¹² Отчет по опытному полю Полтавского общества сельского хозяйства за 1885-1887 годы // Сельское хозяйство и лесоводство. 1889. №1. С.15.
- 113 Отчет по опытному полю Полтавского общества сельского хозяйства за 1888 г.//Там же. С.89.
- 114 Гинс Г.К. Шафранов П.А. Ук.соч. С.244.

115 Историческая записка о тридцатилетней деятельности Императорского Московского общества сельского хозяйства // Сельское хозяйство и лесоводство. 1890. №5. С.55.

116 Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч.Ш. Отд. С.229.

117ПСЗ-2. Т.VII. № 5186.

118 Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч.Ш. Отд. II. С.229.

119Там же. С.230.